

Григорий Яблонский

Командировка на родину

В своем родном городишке Эдуард Григорьевич не был уже много лет. Но его – давно уже не фельетониста сатирического журнала, не автора давней «Литературки» и других видных изданий, в том числе местных, – оторвали от любимого пенсионного занятия в лучшей библиотеке города и области, где он спокойно, с неторопливым удовольствием читает книги, пропущенные в бурной молодости. А здесь его, своего издателя, читателя и участника всех интересных событий уважают и любят...

И вдруг этот звонок из облсовета – и знакомый голос очень вежливо просит его («Если позволяет здоровье!») поехать в родной райцентр по особо сложному делу, на его суть очень надо взглянуть глазами такого опытного журналиста и фельетониста. (Прежняя грозная пресса со своей пугающей рубрикой «Меры приняты» вымерла, а ее люди, оказывается, еще нужны!..) И это было интересно, потому не без проблем завел свою старенькую «девятку» и двинулся рано утром по еще знакомым дорогам...

И вот родной городок! Но почему-то знавшие о его приезде районные власти, их цепкие, плохо скрываемые страсти отняли все позднее утро и половину последнего летнего дня – до полного понимания фактов здешнего безобразия. Ну и до личной тошноты и желания свежего воздуха! От их дорогой машины, спецобеда и всего прочего (до пачки бабла в карман!) наотрез отказался – на свой недуг сослался! Вот и готова репутация непьющего гада, которому врать и пакостить в открытую не надо – хуже будет! К тому же в здешних райкабинетах уже и не знал никто, что он отсюда родом.

На свежем воздухе тоже нужна была осторожность: на свою давнюю улицу не пошел. И не только потому, что следом кого-то «с базара» снимут и по пятам... Еще много лет тому назад ему самому больно было глядеть – даже несколько минут! – на свой родительский домик и землю с загубленным садом. Помнится, тогда резко нажал на газ своей приобретенной «девятки» (ценой этого домика и участка!) – и через считанные минуты вырвался на областную трассу, хотя была она в жутких колдобинах.

А сейчас по памяти направился к «Харчевне» за рынком. Слава Богу, сохранила она свое честное название. И уже очень почтенная седая повариха баба Варя на него чего-то по-особенному глядела, подкладывая в тарелку своего гуляшика и отдельно – малосольных огурчиков. С огромной благодарностью пообедал!

Потом прошел рядом со школой. Заглянул на свой школьный двор. Там как стоял убогий школьный туалет в те «минус сорок с лишним лет», так и стоит этот ощутимый уже издалика «мемориал совковой придворной уборной». Куда же дальше?

Вспомнил: «А где же мой здешний книжный магазин?».

На прежнем месте его уже не было, там торговали всяким ремстроем и нещадно пахло разлитой прямо под ногами олифой! Пришлось на другой стороне улицы, извинившись, спросить про здешнюю книгарню у женщины в старых очках – явно учительницы. Она и сама тяжело вздохнула, и приблизительно показала, куда идти.

Дальше повело не только особое чувство родины, где школу совка не любил ни на миг, а все, что для жизни потом было надо, в своем доме культурном взято из книг. Потому и в былых командировках своих, особенно в дальних районах – глухих – Эдуард Григорьевич всегда выкраивал время и уголок в кармане, чтобы не оказаться в своем же обмане, заглядывая в тамошние «книжные музеи». И находить порой такое, чего не видят ротозеи! Да ладно – с этими чудесами и рифмы лезут сами!

Дошел. По-здешнему далековато от центра, то есть от базара. Над дверями доживающей свой век кособокой и косоглазой городской хаты так и написано было коряво: «Книжка хата». Дверь завизжала, но все-таки впустила его. Когда зрение Эдуарда

Григорьевича немного адаптировалось, он заметил живое существо, точнее – двух. Мужчина неопределенного возраста сидел на табуретке и гладил тощую черно-белую кошку.

– Здравствуйте! – сказал Эдуард Григорьевич.

– Ох, здравствуйте... – мужчина безуспешно попытался удержать кошку, но та, испугавшись появления и голоса незнакомца, вырвалась из рук и спряталась куда-то. А сам растерянный мужчина задал вопрос: – Вы к кому?

– К вам.

– А за чем?

– За книгами, – пояснил, как всегда, Эдуард Григорьевич. – За новинками литературы, отечественной и мировой.

Запавшие глаза мужчины как бы посветлели:

– Ох, чем богаты, тем и рады... Только товар сильно давний, выбор малый. Навряд ли гостю чего-то глянется.

– Ну почему же, – ответил гость, делая шаг в сторону, чтобы не заслонять собой освещение из кособокого оконца. Но и в таком свете его наметанный взгляд не мог не остановиться на полке с томами цвета благородного бордо и чуть увядшим золотым тиснением! Подумать только: здесь был весь Вальтер Скотт! Сразу спросил у продавца:

– Простите, это собрание сочинений – по подписке?

– Я в этой хате только четвертый год, – вздохнул тот. – Может, и была такая подписка, а потом передумали выкупать. Так и висят тут эти полки уценки...

– А что за издание внизу? – вдруг пригнулся гость. – Вот там, где радужная обложка?

Когда одну такую книгу доставали, оттуда выбралась и кошка. Уже без страха поглядела на гостя. А удивлению самого Эдуарда Григорьевича не было предела – здесь, в этой «хате», было и полное собрание сочинений Авроры Дюдеван, которая стала потом легендарной Жорж Санд! Той, что любила самого Шопена и, как могла, берегла его жизнь! «Боже, какое вознаграждение за эту склочную командировку! В областной библиотеке таких книг точно нет – значит, будут!» – весь преобразился Эдуард Григорьевич и спросил у растерянного продавца:

– Значит, можно у вас эти книги приобрести?

– Ох, что вы, ну да! И сколько книжек возьмете – одну... или, может быть, две?

– Все! – произнес Такой Покупатель. – Двадцать томов и четырнадцать. Сделаете в отдельных упаковках?

Что творилось с продавцом, описать не получится. Он стал приходить в себя, только увидев в своих руках самую дорогую на тот момент пятисотгривневую ассигнацию из скромных командировочных Эдуарда Григорьевича! А когда перемножил в уме все тридцать четыре тома на десять гривен по уценке, захотел сразу бежать до самого базарного мясного корпуса! За разменом и сдачей!

А его кошка сидела на столе и умывалась...

– Прошу вас никуда не бегать. Пожалуйста, пакуйте книги, – твердо сказал Эдуард Григорьевич. – А мне пора на старую райкомовскую стоянку за своей машинкой.

Когда сносно запакованный груз уже ложился на заднее сиденье его «девятки» и снова возник вопрос о сдаче, Эдуард Григорьевич, чуть помолчав, вслух назвал себя (и даже по профессии) и спросил, как же звать работника ужинской «Книжкиной хаты». И тот растерянно ответил:

– Семен Иванович я, был в школе учитель по труду, а теперь вот при книгах со своей Муркой...

После ритуала доброго знакомства Эдуард Григорьевич, погладив и угостив целым принесенным мясным пирожком кошку, весь пакет вкусного ужина из «Харчевни» передал ее хозяину вместе с бутылкой доброго красного вина. И затем с душевной откровенностью признался Семену Ивановичу в том, что здешняя книжная цена и сдача не поднимаются до его благодарности. И напоследок спросил:

– Вы же понимаете, что это за книги?

– Ох, понимаю!.. – тихо выдохнул продавец, ловя взгляд Эдуарда Григорьевича: – Ваши произведения!..

* * *

У старой «девятки» такое бывало – она не сразу завелась. Но потом с подсосом все же тронулась и задумчиво поехала из этого райцентра. Через полтора десятка окольных жутко пыльных километров наконец выбрались на областную трассу – такую же опасную для жизни, как и много лет тому назад...

Леонид Лейдерман

Боже, храни короля

Витя Гриншпун звонил каждый день примерно в одно и то же время и задавал примерно один и тот же вопрос: «Как там у нас?». А «у нас» – это у Феликса Горобцова, это в Одессе и вообще.

Феликс и Витя были друзьями не детства, а уже, можно сказать, зрелости. Познакомились после окончания своих институтов в проектно-конструкторском бюро, где свела их судьба обыкновенных советских студентов. Перед окончанием учебы появились в их вузах кадровики привилегированных в Одессе предприятий, охочих до способных выпускников. И Феликс, и Витя были способными, каждый в своем ученичестве, и их заявили для направления на работу именно в это ПКБ.

ПКБ было среди тех привилегированных, которые условно назывались «почтовыми ящиками». Всех подряд туда, конечно, не принимали, но с анкетами у наших героев все было в порядке. Их отцы воевали на фронтах Великой Отечественной, вернулись домой и со временем и образование получили, и, как говорилось, обзавелись семьями. На момент заполнения ребятами анкет родители – служащие, отец Вити инженер на заводе, отец Феликса бухгалтер. И у детей в анкетах, конечно, «не был, не привлекался...».

Как и большинство одесских предприятий, ПКБ по численности работников было небольшим. Да и как оно могло быть большим? Попал я как-то в филиал института стекольной промышленности, там мне рассказали о заводе на Волге на шестьдесят тысяч человек. Конечно, в Одессе не найти столько гектаров

земли, здесь только смогли подыскать для филиала сколько-то квадратных метров на Приморском бульваре в памятнике архитектуры. ПКБ, о котором идет речь, размещалось не в памятнике архитектуры, но тоже в тесных помещениях. Общежития оно не имело, так что набирать сотрудников приходилось из одесситов, благо городские вузы готовили специалистов на любой вкус. В результате в ПКБ сложился очень симпатичный коллектив со вполне приличным, как тогда говорили, психологическим климатом.

Нужно сказать, что принадлежность к «почтовому ящику» накладывала на сотрудников печать некой особенности, исключительности, непохожести на других. Например, ходили слухи, что ПКБ каким-то фрагментом, сегментом имеет отношение к комплексу С-200. Конечно, никто толком не мог сказать, что за фрагмент и для какой функции, но что такое и для чего С-200, кое-что было известно. Естественно, не для того, чтобы об этом говорить. Или, например, в институте на Таировском массиве готовили к печати поступившую откуда-то статью об охлаждении лунохода. Лунохода! Такая общая несвобода в части соблюдения неких тайн тоже должна была сплачивать коллектив.

Тем более приятно было заниматься общекультурной общественной работой. Где и общаться сам бог велел, где можно и поговорить всласть безо всяких оглядок. И коллектив (не шестьдесят же тысяч!) с удовольствием отмечал все возможные праздники, включая личные. И украшал эти праздники стихами и музыкой, сценариями и декором, используя при этом знания и умения, в молодые лета полученные в художественных кружках, школах и студиях родного города. И занимались этой общественной работой, можно сказать, с упоением. Но о деле не забывали.

Да и как можно забыть о деле, если результат нужно было предъявить не только на обычный контроль, но еще и военпреду, то есть военному представителю? Он, правда, назывался представителем заказчика, но все-то знали, какой заказчик имеется в виду.

Как-то появился в ПКБ новый военпред. Его представили на очередной планерке – как-то между прочим. Был прежний –

теперь будет новый, только и всего. Но вот пришло время какому-то отделу сдавать свое изделие, и о военпреде заговорили все ПКБ. Представили ему документацию, а он вернул ее на доработку уже через десять минут – обратил внимание на грамматическую ошибку. Ошибку исправили, страницу перепечатали, принесли. Еще через десять минут военпред позвонил и попросил зайти – обнаружилась еще одна ошибка, и тоже не по характеристикам изделия (ведь именно это предъявляют на контроль!), а опять – грамматическая. Тогда майор тактично пояснил, что в его функции будет входить исключительно контроль грамотности технических решений. Поэтому он просит впредь не приносить документы без предварительной проверки. В том числе и на грамматику. Он это назвал контролем до первого замечания. А сроки? Ведь сроки горят! (А сроки всегда горели: «Когда нужно?» – «Вчера».) Военпреда зауважали, потом зауважали себя, а дальше работали уже на одной волне. И когда сдавали изделие, и шли испытания, майор вместе с разработчиками дневал и ночевал на работе – общая забота!

Вот в такой ответственной и вместе с тем приятной обстановке познакомились и во многом сошлись молодые инженеры. Примерно в одно время женились, гуляли друг у друга на свадьбе, дружили уже семьями, а там и с детьми друг друга поздравили. Жили с родителями, а где же еще жить? Жены работали – а как можно на одну мужнину зарплату прожить? В общем, обычные судьбы, обычные семьи, обычные проблемы и – радости, конечно, как без радостей? Обычные – и всегда необычные! – радости.

И вдруг – распад Советского Союза. Который (распад) можно сравнить разве что с революцией.

Сегодня уже все понимают, что всякая революция – это тяжелое испытание для всех, на чью жизнь она пришлась. Тяжелое испытание с неминуемыми потерями. И для тех, кто ее желал, и для тех, кто ее боялся. Но особенную, ни на какую другую не похожую тяжесть испытывают те, кого нельзя причислить ни к революционерам, ни к тем, кому уготовано свержение. Я не имею в виду детей, которые в зависимости

от возраста или боятся всего, или не боятся ничего. Я не имею в виду и подростков, которые, не имея ответственности за кого-либо, в том числе и за себя, готовы из одной только любознательности ринуться в гущу событий, что и случается в любую революцию. Нет, я имею в виду так называемого обывателя, человека, живущего обычной жизнью. Обычный человек в обычной жизни. (Вот только что наткнулся в интернете на картину «Молодые родители». Молоденький отец любит ребенка, берущим грудь матери. Обыкновенный отец в необыкновенно счастливой обычной жизни. Как он должен относиться к революции? Если он не революционер и если его не собираются свергать? Он должен страстно желать пережить эту революцию, сберечь жену с ребенком и себя, а после революции разобраться, если будет у него желание и возможность, – отчего эта революция, для чего, и какое место в жизни она ему уготовила.)

Можно много говорить о закономерности – а значит, и о пользе – распада Союза, об исторической справедливости и открывшихся перспективах, о возможностях предпринимательства, о многом можно говорить. Но обратите внимание: как все это назвалось? Не выходом из договора, не реорганизацией или еще как-нибудь. А – распадом, развалом. Потому что вот было только что какое-никакое целое, несовершенно, ненадежное, непорядочное, но – целое. К которому худо, бедно, но все же приспособились. И где оно теперь, это целое? Нет его уже, распалось, развалилось, разломалось на куски. А кусок – это же не целое. И когда этот кусок станет новым целым, и каким будет это новое целое, это ведь тоже не видно еще. И что делать каждому отдельному человеку? Какой-то слесарь, отец двоих детей, остался без работы – и что? Покончил с собой. Это, что ли, выход? А его детей жена сама будет поднимать?

Разлом Союза застал врасплох и сотрудников ПКБ тоже. Сначала восприняли это всё как очередную перелицовку жизни. Вот переназовут всё по-новому, как будто новая жизнь начинается, а на самом деле приспособят привычную жизнь под новые названия и – будут жить дальше. Вот были совнархозы –

и то нехорошо, и это. Отменили совнархозы. И что? Предприятия-то остались, что с ними делать? Людям работать надо, семьи свои кормить. Вот и давай думать, куда предприятия эти определить. То ли к министерству какому прикрепить, то ли городу подчинить – пусть коммунальными будут. Так что поначалу ждали, что руководство ПКБ что-нибудь придумает, и будем, мол, работать, как прежде.

Но ПКБ было самостоятельным весьма и весьма относительно. Оно было как бы подразделением большого ПКБ в Новосибирске, откуда шли и заказы на работы, откуда затем шли и деньги за сделанную работу. Пощупали возможность сохранения прежних связей. Из Новосибирска ответили: сами, мол, хотели бы оставить все как было, но вряд ли получится. Генеральный курс, мол, – на самостоятельность. Так и случилось – не получилось. Больше того – новосибирское ПКБ в союзном министерстве, каково в республиках не было. И оказалось одесское ПКБ в интересном положении – дома, то есть в Киеве, его не знают и еще долго не будут знать (растерянность была, неразбериха, кадровая чехарда), а в Новосибирске-Москве его знали, а теперь знать не хотят, потому как разделились же... Вот так обернулась славному коллективу ПКБ его исключительность – она попросту исключила его на неопределенное время из жизни, ПКБ как бы впало в кому. Дальше было, как на всех «почтовых ящиках». ПКБ пришло в волнение, потом в движение – в направлении на выход, а дальше – у кого как получится.

Сектор, в котором работали Гриншпун и Горобцов, продержался где-то года полтора на старых заказах. Зарплату задерживали и на месяц, и на три, но подписанные при Союзе договора не расторгли. Только вот уже не выплачиваются деньги шесть месяцев, девять... Начальство предлагает уволиться по собственному желанию – выходное пособие не из чего платить... Людей все меньше и меньше, а новых заказов нет и не предвидится. А семью надо кормить. И бывших сотрудников ПКБ где только не встретишь: в ночном киоске у вокзала, в дневном киоске у Двух шаров на Ланжероне, на Привозе – в руках настенные часы на батарейках производства новоиспеченного кооператива... Кооперативы! Новая старая форма организации коллективного труда...

И несколько сотрудников пишут заявления на увольнение и уходят в свободное плавание. В составе группы и Витя, и Феликс. Вперед!

Кооператив стал проверкой на прочность – экзаменом на прагматизм, на самостоятельность мышления, на предприимчивость, на характер. И именно здесь, я думаю, стали расходиться жизненные дороги друзей. То есть дороги еще не расходились, но оба были уверены, что кооператив – это просто случайно повернувшаяся лодка, на которой нужно переплыть через это перевернувшееся время. Продержаться, не дать самой лодке перевернуться прежде времени, переплыть! А там видно будет. А что там будет видно? Пока не видно. Потому что что у ребят за спиной? Гладкая, можно сказать, дорожка. Школа. Институт. Работа. Семья. Все удачно, грех жаловаться. А то, что впереди нарисовался знак «Проезд запрещен», так это ж вдруг!

У родителей, конечно, другая школа и, конечно, другой опыт.

Говорили, что папа Вити Гриншпуна – настоящий заводской инженер. И не тем только заводской, что на заводе работал, а тем еще, что вырос на заводе и врос в него. Завод для него был единственно достойным местом приложения человеческих сил. Завод! Что может быть разумней и прекрасней?! «Кто, Конол от Союза дизайнеров? – вопрошал он. – Так он же с Кинапа, какой разговор!» И каждому должно было быть ясно: Конол – отличный дизайнер и замечательный человек, он же с Кинапа, с завода, здесь незамечательных быть не может! И очень может быть, что эту веру в исключительность индустриального предприятия, веру в его логичную и потому надежную структуру – впитал в себя с детских еще лет его сын Виктор.

Говорили, что папа Феликса Горобцова – бухгалтер – имел обыкновение, выходя из своей квартиры во двор, задавать первому встречному мальчишке вопрос: «Сколько будет одиннадцать умножить на одиннадцать?». И не услышав сразу ответа, сам отвечал: «Сто двадцать один». И, довольный, шел дальше. Так он приобщал соседей-школьников к счету в уме. Эта игра мальчишкам нравилась, они уже знали, что нужно отвечать, но тут следовал новый вопрос – «А тринадцать на тринадцать?». А шестнадцать на шестнадцать?

Родители Виктора и Феликса не могли быть в стороне от проблем своих сыновей. Но что они могли? Они могли только предлагать. На основе здравого смысла или, наоборот, в порядке бреда, как кто-то любил оговаривать свои и впрямь бредовые идеи. Они не могли настаивать – дети уже имели своих детей! – но они могли предлагать.

Кооператив? Кооператив мог рыть траншеи под кабель. Кооператив мог подрядиться устанавливать ограды на дачных участках. Да, кооператив мог закупать и настраивать только-только входившую в моду компактную вычислительную технику. (Кто не помнит знаменитую АТ РС 286, голубую мечту не только инженеров...) Но не мог появиться кооператив по расчету и проектированию изделий а-ля ПКБ.

И что сказал папа Вити Гриншпуна? Папа Вити Гриншпуна сказал, что нужно уезжать в Америку. Папа Вити Гриншпуна считает, что Витя за годы работы в ПКБ кое-чему научился и с этим кое-чем он может надеяться найти работу в каком-нибудь ПКБ при американском заводе. А ПКБ есть на каждом приличном заводе, как, например, на Кинапе. А про заводы в Америке Вите говорить не надо, а надо Вите научиться не только читать и писать по-английски, что он давно умеет, а и говорить тоже, причем хорошо говорить, а не лишь бы как. Папа Вити Гриншпуна сказал еще, что ему с мамой можно было бы и не ехать, но Витя должен подумать и о себе, и о своих детях. Кто мог знать, что могучий Союз разделится? Никто! Кто может сказать, что будет с нами здесь через десять лет? Никто! Надо уезжать. И Витя задумался.

А что сказал папа Феликса Горобцова? Папа Феликса Горобцова сказал, что если ты знаешь, как правильно умножить одиннадцать на одиннадцать, и если ты то же самое сделаешь с числом двенадцать и тоже получишь правильный ответ, то ты, делая правильные шаги, обязательно придешь к правильному результату. Папа Феликса Горобцова вряд ли пользовался словом «итерация» – бухгалтера его поколения легко обходились без этого красивого слова. Но вряд ли он мог и посоветовать сыну, какие именно правильные шаги нужно тому сделать и настойчиво их повторять. Ему импонировала математическая

гармония и сдерживало подсознательное желание верить в то, что со временем и здесь все образуется. Он этого и не скрывал.

И Витя Гриншпун уехал в Америку. И все там, не сразу, конечно, сложилось так, как хотел это видеть его отец. Он нашел работу по близкой специальности и освоил разговорную речь, или сначала освоил, а потом его приняли на работу. А в каком-то году позвонил в Одессу по забытому номеру телефона. И еще работала городская АТС, и снял трубку друг его душевный Феликс Горобцов.

К тому времени много чего в Украине вообще и в Одессе в частности произошло, и Феликс Горобцов имел что рассказать и о ПКБ, и о себе, и о кооперативе, в котором они вместе когда-то начинали новую жизнь. О кооперативе, который вместе с меняющимся законодательством менял свой статус, цели и задачи, юридический адрес и счет в банке, и в конце концов стал ООО Лимитед. Наверное, рассказал Феликс Горобцов и о том, на какой правильный шаг надумили его отцовские рассуждения о пользе итерации. Феликс Горобцов просто повторил свой первый поход в институт, который он когда-то облюбовал для посещения в День открытых дверей и в который таки поступил. Тогда это стало началом пути в специальность. Теперь же, когда двери открылись не для возможного абитуриента, а для коллеги, еще и с опытом серьезной практической работы... Теперь встреча с институтом стала началом возвращения в профессию. И вот – он и его коллектив занимаются не тем, чем занимались они когда-то в ПКБ, но делом знакомым и понятным.

С тех пор друзья уже постоянно держали друг друга в курсе своих житейских дел, а в последние годы уже жаловались на усталость и даже мечтали о выходе на пенсию. При этом нужно сказать, что Феликс Горобцов вряд ли интересовался внутривластной жизнью Соединенных Штатов. А вот Витя Гриншпун постоянно следил по американским источникам за событиями в Украине и вокруг нее, а если что-то вызывало непонимание, то разъяснения получал из надежных рук – от Феликса Горобцова.

Инсценированные Россией референдумы в Крыму и на Донбассе, а затем аннексия полуострова и оккупация Донецка и Луганска сильно встревожили Витю. Конечно, уже отложились в памяти и Чечня, и Приднестровье, и Грузия. Но это все были только цветочки, не ягоды еще. Где Чечня, а где Одесса... (Тогда мало кто знал, что о перерезанных в Грозном бензошлангах российских танков рассказывали в одесском санатории на Фонтане первые беженцы из Чечни.) Где Чечня, а где Одесса... Но когда в феврале двадцать второго границу Украины пересекли ракеты С-300...

Витя позвонил – что тут у нас? А что тут у нас – московские подарочки у нас... С тех пор Витя звонил каждый день. Каждый день украинское телевидение извещало, который по счету сегодня день от двадцать четвертого февраля двадцать второго года. И столько же звонков прозвучало в мобильном телефоне Феликса Горобцова – «Как там у нас?».

Когда-то давно один незнатный англичанин написал стихи, которые потом положили на музыку и сделали гимном Великой Британии. А затем гимном еще и других стран. Эти стихи говорили:

Боже, храни нашего милостивого Короля,
Да здравствует наш благородный Король,
Боже, храни Короля.
Ниспошли ему ратных побед,
Счастья и славы,
И долгого царствования над нами.
Боже, храни Короля.

Витя Гриншпун тревожится, звонит. «Как там у нас?» И звонит не он один. И не только в Одессу. Весь мир словно впервые себя увидел – беззащитным перед безумием. Нет континента, откуда не шли бы звонки. Они идут и идут, каждый день и круглые сутки. И мне кажется, я вижу, как они идут – догоняя друг друга, вплетаясь друг в друга, обрастая друг другом, образуя огромный жгут вибраций, жгут, который, расплетаясь в небе над Украиной, словно вызывает словами старого гимна:

Боже, храни Украину.
Ниспошли ей ратных побед,
Счастья и славы,
Боже, храни Украину.

Витя Гриншпун звонил Феликсу Горобцову примерно в одно и то же время, а в этот день звонок прозвучал раньше обычного, и потому мелькнула сразу мысль – не случилось ли чего? – теперь уже в Америке. Нет-нет, ничего не случилось, просто они сегодня уезжают к дочери, и в обычное для звонка время будут в дороге. А с дороги не смогут позвонить. Так чтобы никто не волновался, Витя звонит сейчас. «Как там у нас?»»

